

НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА ШИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
natalia.l.shilova@gmail.com

ОБ ОДНОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ВЛИЯНИИ: РАССКАЗ «ОТЧЕГО ОН УБИЛ ИХ?» А. А. ШКЛЯРЕВСКОГО И «ЗАПИСКИ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО*

Проза А. А. Шкляревского, некогда популярного русского беллетриста, в последние десятилетия несколько раз привлекала внимание исследователей, в том числе в рамках изучения литературных связей Ф. М. Достоевского. Известен факт их личного знакомства, сохранились письма Шкляревского к Достоевскому, высказывалось мнение о влиянии на прозу Шкляревского романа «Преступление и наказание». Изучение редакционного архива журнала-газеты «Гражданин» периода редакторства Достоевского указывает на новый источник для анализа этого круга вопросов – рассказ Шкляревского «Отчего он убил их?», на который его автор ссылается в одном из писем, признаваясь в ученичестве у Достоевского. В рассказе с криминальным сюжетом упоминается сам Достоевский, дважды использован оборот «Мертвый дом», а также содержатся смысловые и формальные переклички с «Записками из Мертвого дома» (образ интеллигентного преступника, мотив женоубийства, имена жертв преступления). Исследование интертекста Достоевского в рассказе «Отчего он убил их?» позволяет уточнить представление о границах и характере этого литературного влияния. На фоне перекличек очевидна и разница в авторских стратегиях повествования, отражающая разный взгляд на природу преступления. В качестве ближайшего контекста проводимого анализа привлечен биографический материал, эпистолярные документы.

Ключевые слова: русская литература XIX века, интертекст, поэтика, журнал «Гражданин», Достоевский, Шкляревский

Имя Александра Андреевича Шкляревского (1837–1883), известного в 1860–1870-е годы в России беллетриста, автора криминальных повестей, или, согласно характеристике А. И. Рейтблата, «отца русского детектива» [8: 5], долгое время было фактически забыто и лишь недавно вернулось в поле зрения литературоведов. Отчасти – по причине возобновления интереса отечественных исследователей к массовой культуре, случившегося на рубеже ХХ–XXI веков. И, кроме того, в связи с исследованиями биографии и творчества Ф. М. Достоевского, с которым А. А. Шкляревский был знаком (правда, знакомство это нельзя назвать очень удачным), и упоминанием фамилии беллетриста в чеховской «Драме на охоте». Специальных публикаций о литературном наследии писателя, впрочем, и в настоящий момент не так много. В 1970–1980-е годы имя писателя и краткая характеристика его раннего творчества появились в очерках В. Г. Антюхина о литературе и периодической печати Воронежа середины XIX века [1]. Позднее вышли публикации А. И. Рейтблата [8], Г. А. Шпилевой [10], К. С. Овериной [7], С. А. Кибальника [4].

С момента выхода статьи А. И. Рейтблата, фактически вернувшего Шкляревского в поле зрения литературоведов, последующие публикации так или иначе останавливались на биографии забытого автора и сопоставлении отдельных его текстов с произведениями Эмиля Габорио

(Шкляревского при жизни прозвали «русским Габорио») и Федора Достоевского. В связи с тем, что во всех названных статьях с вариациями повторяются приведенные А. Рейтблатором узловые моменты творческой биографии Шкляревского, эту преамбулу мы опустим. На наш взгляд, интересна переписка, состоявшаяся между Александром Шкляревским и Федором Достоевским в 1873–1874 годах в период редакторства Достоевского в журнале «Гражданин». Переписка эта была довольно драматичной, равно как и обстоятельства сотрудничества Шкляревского с Достоевским и в целом – вся судьба этого «литературного каторжника» (выражение писателя Крестовского, спроектированное А. Рейтблатором на судьбу автора криминальных повестей и рассказов) [8: 5]. Материалы переписки позволяют расширить круг текстов Достоевского, оказавших влияние на Шкляревского, и установить некоторые новые детали непростых отношений двух писателей, стоявших у истоков русских криминальных сюжетов.

Опубликованные исследователями статьи об их точках пересечения учитывают, прежде всего, роман Достоевского «Преступление и наказание» и отдельные повести Шкляревского (наиболее широкий, но далеко не исчерпывающий круг произведений рассмотрен С. А. Кибальником) [4]. Это связано с тем, что сквозным для многих произведений Шкляревского был образ следователя,

отчасти напоминавший и Порфирия Петровича, не столько, впрочем, какими-то конкретными деталями или стратегией расследования (об этом мы еще скажем ниже), сколько в целом исполняемой должностью. В предисловии А. Рейтблата к сборнику повестей А. Шкляревского в качестве характерной черты художественного мира Шкляревского назван также восходящий к Достоевскому топос «униженных и оскорбленных» [8: 11]. Между тем содержание писем из архива журнала «Гражданин» заставляет переместить фокус внимания с «Преступления и наказания» и «Униженных и оскорбленных» на иной текст Достоевского – «Записки из Мертвого дома». Как показывает эта переписка, влияние Достоевского сам Шкляревский ассоциировал в первую очередь с «Записками»¹. В первом же обращении к Достоевскому – редактору «Гражданина» от 8 марта 1873 года Шкляревский указывал на интерес к его творчеству:

Если я кому и подражаю изъ писателей, то Вамъ... Ваше вліяніє слишкомъ ясно даже отразилось въ одномъ моемъ разсказѣ «Отчего онъ убилъ ихъ?» (разсказъ Слѣдователя). Спб. Вѣд. за 1871 годъ, гдѣ я не удержался, чтобы не упомянуть Вашу фамилію².

Рассказ печатался в № 26, 29, 33, 35 и 36 «Санкт-Петербургских Ведомостей» за 1871 год (с 26 января (7 февраля) по 5 (17) февраля). Позже он вышел в составе сборника «Повести и рассказы» в Москве в 1872 году³. В рассказе Шкляревского, действительно, упоминается Достоевский. В исповеди следователю главный герой, убийца Наростов, провинциальный учитель, мягкий и впечатлительный человек, называет себя человеком из «Мертвого дома» и рассуждает о причинах своих поступков, ссылаясь на книги Достоевского:

Вы вѣроятно убѣждены въ томъ, въ чемъ и я: что какъ бы ни была моментальная рѣшимость человѣка на преступлѣніе, онъ непремѣнно есть или нравственно больной, или испорченный?.. Въ этом случаѣ я едвали вполнѣ удовлетворю вѣстъ, даже при полнѣшемъ анализѣ всей своей жизни... Достоевскій, нарисовавъ цѣлый міръ страдающихъ, искалъченныхъ нравственно и физически людей, задумывался надъ этимъ вопросомъ и не рѣшилъ его... Вы не найдете у него ничего опредѣленного, кроме намековъ на злополучную судьбу, какъ бы наталкивающую на преступлѣніе... (Шкляревский, 121).

Внимание Шкляревского к «Запискам» можно объяснить. «Записки из Мертвого дома» были опубликованы Достоевским вскоре после возращения с каторги. Они имели широчайший резонанс и произвели на современников сильное впечатление. Часто цитируют, например, слова Льва Толстого, который сразу после публикации советовал А. А. Толстой прочесть «Записки»⁴, а в 1880 году писал Страхову, что не знает «лучшей книги изо всей новой литературы, включая Пушкина»⁵. По своей образной системе и проблематике книга была крайне необычна для своего

времени. Жанр этого произведения до сих пор в исследовательской литературе определяется по-разному: «В наборе предлагавшихся к “Запискам...” определений едва ли не все виды литературной прозы: мемуары, книга, роман, очерк, исследование» [2: 70]. В «Записках» Достоевский показал целую галерею самых разных людей, оказавшихся на русской каторге и несущих наказание за свои проступки. Метафора «Мертвый дом» получила в течение следующих десятилетий распространение не только в русской литературе, но и за рубежом [12].

Сюжет рассказа Шкляревского организован иначе, чем детектив в строгом смысле слова. Для последнего, например, характерно такое распределение событий, когда личность преступника окончательно устанавливается в finale. В finale же ретроспективно излагается история замысла и преступления, детали которого поочередно вплетаются в повествование с первых страниц и до самой развязки. В то время как в произведениях Шкляревского, по справедливому замечанию А. Рейтблата, «имя преступника нередко становится известным читателю уже в середине книги» [8: 12]. Это в полной мере относится к рассказу «Отчего он убил их?». Сначала сообщается о произошедшем преступлении, затем раскрывается имя убийцы, самый значительный объем повествования посвящен ретроспективной рефлексии: истории жизни героя, начиная с детства, которая должна, по замыслу автора, пролить свет на мотивы убийств и психологическое состояние преступника. Возвращаясь к цитированию Достоевского в рассказе, обратим внимание на графику отсылок к «Запискам» Достоевского в «Отчего он убил их?». Формула «Мертвый дом» повторяется в пределах одного абзаца дважды, но первый раз в кавычках, а в последующем предложении – без:

Я теперь членъ не здѣшняго общества, но «Мертваго дома», в разрядѣ убійцъ <...> Но по качеству убійства я буду, конечно занимать не послѣднее мѣсто въ Мертвомъ домѣ, а по личному достоинству – самое ничтожное... (Шкляревский, 120).

С учетом того, что имя автора «Мертвого дома» будет вскоре упомянуто в речи Наростова, первое, закавыченное, обращение к этому мотиву выглядит как указание на заголовок книги, а Наростов оказывается читателем Достоевского. Второе, незакавыченное, упоминание Мертвого дома переводит эту формулу в иной разряд, помещая среди жизненных явлений, правдиво отображеных Достоевским. На наш взгляд, в этом можно увидеть авторскую оценку и интерпретацию книги Достоевского как глубоко реалистичной, фиксирующей явления самой жизни.

Метафора «Мертвый дом» – не единственное связующее звено между мотивной структурой двух произведений. Главный герой рассказа

Шкляревского – женоубийца, как и Горянчиков – рассказчик в произведении Достоевского. О преступлении последнего, правда, подробно не сказано. «Записки» сфокусированы на историях других арестантов. Причину, по которой дворянин Алексей Петрович Горянчиков оказался на каторге, очень кратко излагает издатель записок, обращая внимание прежде всего на мучительную болезненность этой темы для персонажа. Главы исповеди, «странные, ужасные воспоминания, набросанные неровно, судорожно, будто по какому-то принуждению», издатель изымает, «почти убедившись, что они писаны в сумасшествии⁶. Одновременно тема убийства жены из ревности не раз отзовется в историях других арестантов, достигнув апогея в сюжете «Акулькинного мужа», едва ли не самом насильтственном и страшном в книге Достоевского, и в то же время, по мнению Е. Ю. Сафоновой, выполняющем функцию кульмиационного поворота в рефлексии Горянчикова «от самосуда к очищению, покаянию и “выходу из каторги”» [9: 108]. Мотивы ревности с разной степенью детализации звучат и в историях некоторых других преступников. Страсть и ревность играют главную роль и в судьбе учителя Наростова, убившего двух женщин – жену и любовницу. История сложных отношений с обеими занимает всю пространную вторую часть рассказа Шкляревского. И так же, как в других его повестях (например, «Что побудило к убийству?» 1873 года), носит характер исповеди героя, включающей обстоятельства его воспитания и биографии вплоть до момента преступления. Исповедальный тип нарратива, как известно, часто использовался и Достоевским – в том числе и в «Записках», и в «Преступлении и наказании».

В контексте таких мотивных пересечений едва ли случайно совпадение имен убитых жен у Достоевского и Шкляревского, обеих зовут Катеринами. Только в повести Достоевского имя убитой названо не прямо, а о нем можно догадаться из косвенных подробностей, сообщенных издателем: хозяйка, у которой Горянчиков будучи ссылочным снимал комнату, вспоминает, что

он очень полюбил и очень ласкал ее внучку, Катю, особенно с тех пор, как узнал, что ее зовут Катей, и что в Катеринин день каждый раз ходил по ком-то служить панихиду (Достоевский, 8).

А в «Отчего он убил их?» имя жертвы Наростова названо и неоднократно повторяется в контексте уголовного дела. Впервые оно звучит в показаниях свидетельницы кухарки, именующей свою барыню Катериной Павловной. Сам же Наростов зовет жену Катя. Распространенность этого женского имени в России, конечно, могла вести к случайному совпадению имен. Однако в общей системе перекличек двух текстов это совпадение, на наш взгляд, следует отметить.

Среди значимых сходств двух произведений – принадлежность героев к образованной прослойке общества. «Дворянином и помещиком», оказавшимся среди каторжан за убийство жены, называет Александра Петровича Горянчика娃 издатель записок. Это подчеркивает и трагизм героя, и отсылает к личной истории Достоевского, сосланного на каторгу, в окружение, далекое от привычного ему, дворянину и узнавшему столичный успех писателю. Трагическое содержание «дела» рассказчик-следователь у Шкляревского также напрямую связывает с тем, что

главным героем его явился человек молодой, достаточно образованный и развитый, в котором общество видело полезного деятеля (Шкляревский, 108).

Но если Горянчиков выступает в «Записках» в первую очередь как писатель, то в истории Наростова главенствующую роль играет мотив чтения. Как отметила ранее К. С. Оверина,

повествуя о каждом этапе жизни, герой сопровождает свою речь замечаниями о тех книгах, которые он читал. Так, говоря о детстве, герой замечает: Единственной моей отрадой и утешением были книги, когда я выучился читать. Забывшись куда-нибудь в уголок, я читал все, что попадалось в руки: «Отечественные Записки», «Библиотеку для чтения», романы Жорж Занда, географию Арсеньева, историю Кайданова, а больше всего я перечитывал валившийся роман Дюма «Графиня Монсоро» да «Вечный жид» (Шкляревский 1872: 123). [7: 74].

И герой Достоевского, и герой Шкляревского имеют опыт учительства. Горянчиков – в качестве ссыльнопоселенца после каторги. Для Наростова, не имеющего иных средств к существованию, это профессия, которой он сначала служит вдохновенно, но потом охладевает к ней. Вообще, Наростов довольно типичный для произведений Шкляревского преступник – образованный, но бедный, сломленный тяготами жизни, социально неблагополучный.

Все это в совокупности составляет ряд явных и возможных интертекстуальных связей, наблюдения над которыми еще можно продолжать. Как мы видим, у Шкляревского были все основания ссыльаться на рассказ «Отчего он убил их?» как на свидетельство литературного влияния Достоевского: упоминание имени Достоевского окружено образами и мотивами, отсылающими к истории рассказчика в его книге о русской каторге. Вместе с тем на фоне сходств ярче видны различия. Тяготея к одной тематике, тексты двух писателей, конечно, по-разному организованы в отношении жанра, сюжета, системы персонажей. Так, например, Достоевский уже в «Записках из Мертвого дома», а в дальнейшем в «Преступлении и наказании» показывает широкую картину общества, пронизанную социальными, личными, универсальными связями, в то время как сюжет Шкляревского сконцентрирован почти исключительно на рассказчике и его исповеди.

В этом смысле предмет изображения Шкляревского несравненно компактнее, уже. В центре его внимания – личность преступника и губительная страсть, ведущая к преступлению. Социальная несправедливость, к которой периодически и не всегда последовательно обращается внимание рассказчика, и философские вопросы составляют скорее фон для происходящей личной трагедии.

Апелляция к Достоевскому в рассказе «Отчего он убил их?» и выбор текста, к которому возникает первая прямая отсылка, позволяют яснее увидеть особенности рецепции Шкляревским прозы Достоевского, ее детали, которых не раскрывает простое признание в литературном влиянии или единомыслии (понятно теперь, что Достоевскому трудно было ощутить единомыслие ввиду того сужения проблематики и упрощения поэтики в прозе Шкляревского, о которых говорилось выше). В каком-то смысле сюжеты двух писателей оказываются даже разнонаправленными. Сюжет Шкляревского рисует деградацию образованного человека под воздействием страстей. Отражением этой деградации можно считать выбор, который он делает между двумя женщинами – женой, читающей жертвенной «монашенкой» Катей, и «развратной», воплощающей торжество страстей, любовницей Частовой. Вопреки популярной и в середине XIX столетия просветительской концепции облагораживающего воздействия книг на человека, ни книги, ни причастность к педагогическому труду не спасают Наростова от падения. Эту позицию Шкляревский не комментирует и не поясняет. В рассказе просто названы утраты интереса к «высокому» и растущая зависимость от «великой утешительницы» водки и низкой страсти к Частовой. Настойчивое возвращение к книгам и подробный рассказ о неудачной учительской карьере Наростова подчеркивают диссонанс между ужасным преступлением и тем, что убийцей оказывается учитель. В этом ощущимо прослеживается параллель с миром Достоевского, героя которого лишены удобной однозначности, раздвоены. Но здесь же и расхождение: герой Достоевского остается сложным и в ужасных обстоятельствах, персонаж рассказа Шкляревского последователен в своей деградации, которой читатель может сочувствовать, может ужасаться ей, но перспектива возрождения к новой жизни не показана. Эта последовательность деградации, обреченность героя подчеркивается финалом рассказа «Отчего он убил их?»: осужденный на каторгу, Наростов просит рассказчика достать и передать ему яда. После неудачной попытки самоубийства он не расстается с мыслью о том, чтобы свести счеты с жизнью:

...я получил через добродушнейшаго смотрителя острога письмо от Наростова <...> Он просил дать ему возможность покончить уже решенный вопрос о жизни ядом (Шкляревский, 176).

Это обстоятельство сгущает драматизм сюжета, но упрощает судьбу героя: ни исповедь, ни суд, ни приговор не меняют ее вектора. Иначе у Достоевского. Горянчиков в «Записках из Мертвого дома» проходит весь путь каторги до конца. Фатализм, отзывающийся христианским смирением перед судьбой, проявляется в том, что он умирает от болезни – «в уединении и даже ни разу не позвал к себе лекаря» (Достоевский, 8). Мотив физической смерти при этом не затеняет в книге Достоевского идеи возрождения к новой жизни, движения от мертвого к живому [3: 102]. Складывается впечатление, что при обоюдном сострадании к «униженным и оскорбленным» Достоевский и Шкляревский совершенно по-разному видели природу человека. Хотя сострадание это звучит в рассказах и повестях Шкляревского очень отчетливо. Любопытна здесь часто сама фигура следователя, который, в отличие от классических сыщиков, не только не меряется силой с преступником, но часто проявляет неподобающее должности сочувствие, а порой и проигрывает битву (см., например, повесть «Рассказ судебного следователя», в которой преступнице удается в finale добиться отстранения следователя от дела и тем самым спастись от наказания уже после совершения признания⁷). Заметная эмпатичность следователя как сквозного персонажа, выступающего у Шкляревского не столько как преследователь, представитель сурового закона, сколько как свидетель и адресат исповедей преступников, придает черты своеобразия его криминальным повестям и рассказам и в известной степени коррелирует с гуманистическим звучанием прозы Достоевского, хотя и носит, как кажется, скорее психологический оттенок, нежели религиозно-философский (последнее замечание, впрочем, имеет предположительный характер и должно быть проверено с привлечением более широкого круга текстов).

В любом случае, единомыслия между двумя писателями не было. Не гладко складывались и их личные отношения, отмеченные взаимным интересом и сочувствием⁸, с одной стороны, но и последовательным недопониманием – с другой. Не все в этих отношениях ясно до конца. Если же вернуться к сфере литературного взаимодействия, то сейчас уже ясно, что Шкляревский был знаком с широким кругом произведений Достоевского и выделял особенно «Записки из Мертвого дома» с их широкой картиной человеческих историй каторжан.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект 17-04-00619-ОГН.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Шкляревский опубликовал в «Гражданине» Достоевского рассказ «Накануне защиты преступника (Из записок приятного поверенного)» (1873. 19 марта. № 12). Кроме того, сохранились 7 писем Шкляревского к Достоевскому 1873–1874 годов, связанных с попытками Шкляревского опубликовать в «Гражданине» другие свои тексты. Началась переписка с недоразумениями. На неприятную ситуацию Шкляревский жаловался А. А. Суворину 23 февраля 1873 года: «Затем тот же Траншель, в типографии которого печатается “Гражданин”, передал мне, что Достоевский говорил ему, будто бы он с удовольствием принял бы от меня рассказ. Вследствие сего, польстившись на гонорар от восьми до десяти копеек строка, я дня в три из бывшего у меня напечатанного рассказа сделал новый, лучше сказать, не рассказ, а размыщение присяжного поверенного, и отдал ему для передачи Достоевскому, с тем условием чтобы мне получить ответ на днях. Между тем, вот уже три недели я не добьюсь никакого толка, а я Мещерского никогда не застаю дома, на письма не отвечают и рукопись не возвращается, несмотря на неоднократные требования. Будь же она у меня, Маркс и Клюшников взяли бы ее с удовольствием и сейчас бы выдали гонорар вперед...» [6: 428]. В. В. Тимофеева (Починковская) впоследствии пересказала со слов Достоевского эпизод о недоразумении и при первой личной встрече двух писателей 4 или 5 августа 1873 года, где Шкляревский предстает вспыльчивым и неуравновешенным (Тимофеева В. В. Год работы со знаменитым писателем // Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. М.: Худож. лит., 1964. С. 165–168). Те же характеристики оставили о нем и сочувствовавшие ему в целом современники (Соколов А. А. Из моих воспоминаний // Шкляревский А. Что побудило к убийству? (Рассказы следователя). М.: Худож. лит., 1993. С. 291–293).
- ² Письмо А. А. Шкляревского Ф. М. Достоевскому от 8 марта 1873 года. НИОР РГБ. Ф. 93.П.9.146. Л. 1–2об. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philolog.petrsu.ru/grazhdanin/dostoevsky/shkljarevsky/1shkl.html> (дата обращения 20.09.2018).
- ³ Шкляревский А. Повести и рассказы. М., 1872. С. 108–176. Далее в тексте статьи ссылки на рассказ Шкляревского приводятся по этому изданию с указанием в скобках фамилии автора и номера страницы.
- ⁴ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Юбилейное издание (1828–1928). Серия 3: Письма / Под общ. ред. В. Г. Черткова Т. 60: Письма, 1856–1862. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 419.
- ⁵ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Юбилейное издание (1828–1928). Серия 3: Письма / Под общ. ред. В. Г. Черткова Т. 63: Письма, 1880–1886. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1934. С. 24.
- ⁶ Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома // Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 4. Л.: Наука, 1988. С. 8. Далее ссылки на «Записки из Мертвого дома» Ф. Достоевского приводятся по настоящему изданию с указанием в скобках фамилии автора и страницы.
- ⁷ Шкляревский А. А. Рассказ судебного следователя // Что побудило к убийству? (Рассказы следователя) / Подгот. текста, сост. вступ. ст., comment. А. И. Рейблата. М.: Худож. лит., 1993. С. 75–134.
- ⁸ О сочувствии свидетельствует то, что Достоевский оказал финансовую помощь Шкляревскому в счет будущих произведений для «Гражданина», о которой тот просил в письме от 11 сентября 1873 года. Среди записей расходов Достоевского 11 сентября есть следующая: «№ 3. Шкляревскому вперед 20» [5: 411]. И Шкляревский в последующих письмах упоминает о трех рукописях, которые он направлял в «Гражданин». Но ни одна из них не была напечатана, так что выплаченный аванс получил характер безвозмездной помощи Шкляревскому, о бедственном положении которого было хорошо известно в литературных кругах. В биографическом очерке о Шкляревском А. Рейблат писал: «Постоянно болеющий и постоянно пьющий, Шкляревский вел буквально нищенскую жизнь, его семья (жена и сын) всегда страдали от безденежья. Некрасов, посетив по поручению Литфонда Шкляревского в 1875 г., свидетельствовал: “Трезвость полная; бедность, начиная с одежды и кончая столом и двумя стульями, находящимися в квартире, несомненная, которую г. Шкляревский скорее пытается скрыть, чем высказать; любовь к литературе и труду своему – доводящая слушателя до умиления и подкупаящая в пользу г. Шкляревского”. О взаимном недопонимании, в свою очередь, свидетельствуют те недоразумения между двумя писателями, о которых остались свидетельства в их переписке и воспоминаниях современников, в т. ч. известный инцидент, пересказанный корректором «Гражданина» О. Тимофеевой-Починковской, когда Шкляревский утром явился в дом Достоевского, вынужден был ждать, обиделся на прислугу Достоевского Авдотью, которая по костюму и виду приняла визитера за “мужика или дворника” и, по словам мемуаристки, принялся выкрикивать: “Я не хочу дожидаться в прихожей! Я не лакай! Я не дворник! Я такой же писатель, как вы!.. Подайте мне сейчас мою рукопись!”» (Тимофеева В. В.... С. 167).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антухин Г. В. Очерки истории печати Воронежского края, 1798–1917. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1973. 282 с.
2. Владимицов В. П. Записки из Мертвого дома // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. СПб.: Пушкинский дом, 2008. С. 70–74.
3. Гадулина В. И. Мотив смерти-воскресения в сибирском тексте Достоевского // Сюжетология и сюжетография. 2015. № 2. С. 101–108.
4. Кibal'nik C. A. «Судебный следователь» в русской детективной литературе 1860–1880-х гг. от Александра Шкляревского до Чехова // Вестник Российской университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 3. С. 384–397.
5. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского 1821–1881: В 3 т. Т. 2. СПб: Академический проект, 1999. 586 с.
6. Литературное наследство / Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 86. Ф. М. Достоевский: новые материалы и исследования / Ред. В. Р. Щербина (гл. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1973. 790 с.
7. Оверина К. С. «Драма на охоте» А. П. Чехова в контексте русского уголовного романа // Русская филология. № 24: Сб. научных работ. Тарту, 2013. С. 71–79.
8. Рейблат А. «Русский Габорио» или ученик Достоевского? // Шкляревский А. А. Что побудило к убийству? (Рассказы следователя) / Подгот. текста, сост. вступ. ст., comment. А. И. Рейблата. М.: Худож. лит., 1993. С. 5–13.
9. Сафронова Е. Ю. Индивидуализация криминального факта в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского: автопсихологический аспект // Сибирский филологический журнал. 2013. Вып. 2. С. 101–109.

10. Шпилевая Г. А. А. А. Шкляревский и Э. Габорио: родоначальники «полицейского» романа // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. № 5. С. 145–149.
11. Якубович И. Д. Примечания к «Запискам из Мертвого дома» // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 3. Л.: Наука, 1988. С. 505–510.
12. Picchio R. «Мертвый дом» Достоевского и Каравелова // Revue des etudes slaves. Т. 53. Fasc. 4. Paris, 1981. P. 587–595.

Shilova N. L., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

**ONE CASE OF LITERARY INFLUENCE: THE SHORT STORY *WHY DID HE KILL THEM?*
BY ALEXANDER SHKLYAREVSKY AND *THE HOUSE OF THE DEAD*
BY FYODOR DOSTOEVSKY**

Recently, the prose of Alexander Shklyarevsky, a popular Russian fiction writer of the XIX century, has repeatedly attracted the attention of researchers, including those who study literary contacts of Fyodor Dostoevsky. The fact of their personal acquaintance is known, Shklyarevsky's letters to Dostoevsky were preserved, and an opinion has been held about the impact of Dostoevsky's *Crime and Punishment* on Shklyarevsky's prose. The study of the editorial archive of the Citizen magazine during the period of Dostoevsky's editorship points to a new source for analyzing this range of issues – Shklyarevsky's story *Why Did He Kill Them?*, to which he refers in one of his letters, confessing to being Dostoevsky's disciple. This criminal story mentions Dostoevsky himself, uses the “Dead House” metaphor twice, and contains semantic and formal parallels with *The House of the Dead* (i. e., the image of an intelligent criminal, the motif of murder, and the names of the victims of crime). Analyzing Dostoevsky's intertext in the story *Why did he kill them?* enables us to clarify the boundaries and the nature of this literary influence. The revealed similarities stress the differences in the authors' narration strategy, reflecting their different views on the nature of crime. Biographical materials and epistolary documents are used as the nearest context for the research analysis.

Key words: the XIX century Russian literature, intertext, poetics, Citizen magazine, Grazhdanin magazine, Dostoevsky, Shklyarevsky

* The study is sponsored by the Russian Foundation for Basic Research as a part of the project 17-04-00619-OGN.

REFERENCES

1. Antyukhin G. V. Essays on the history of the Voronezh region printing, 1798–1917. Voronezh, 1973. 282 p. (In Russ.)
2. Vladimirtsev V. P. The House of The Dead. Dostoevsky: Works, letters, documents: Reference dictionary. St. Petersburg, 2008. P. 70–74. (In Russ.)
3. Gabdullina V. I. The motif of the death and resurrection in the Siberian text by Dostoevsky. Syuzhetologiya i syuzhetografiya. 2015. No 2. P. 101–108. (In Russ.)
4. Kibalnik S. A. A “judicial investigator” in the Russian detective literature between the 1860s and the 1880s from Alexander Shklyarevsky to Chekhov. Bulletin of RUDN University. Series: Literary studies. Journalism. 2017. Vol. 22. No 3. P. 384–397. (In Russ.)
5. The chronicle of life and work of Dostoevsky: 1821–1881. In 3 vol. Vol. 2. St. Petersburg, 1999. 586 p. (In Russ.)
6. Literary heritage. Vol. 86. F. M. Dostoyevsky: new materials and research. (V. R. Shcherbina et al, Eds.). Moscow, 1973. 790 p. (In Russ.)
7. Overina K. S. A Shooting Party by A. P. Chekhov in the context of the Russian criminal novel. Russian Philology. No 24. Tartu, 2013. P. 71–79. (In Russ.)
8. Reitblat A. “Russian Gaboriau” or Dostoevsky's disciple? Shklyarevsky A. A. What prompted the murder? (Stories of the investigator). (A. I. Reitblat, Prep., Foreword, Comments). Moscow, 1993. P. 5–13. (In Russ.)
9. Safronova E. Yu. Individualization of the criminal fact in The Notes from the Dead House by F. M. Dostoevsky: auto-psychological aspect. Siberian Journal of Philology. 2013. Issue 2. P. 101–109. (In Russ.)
10. Shpilevaya G. A. A. A. Shklyarevsky and Émile Gaboriau: the founding fathers of the “police” novel. Bulletin of the Kostroma State University. 2012. No 5. P. 145–149. (In Russ.)
11. Yacobovich I. D. Notes to The House of the Dead. Dostoevsky F. M. Collected Works. In 15 vol. Vol. 3. Leningrad, 1988. P. 505–510. (In Russ.)
12. Picchio R. “The Dead House” by Dostoevsky and Karavelov. Revue des etudes slaves. Vol. 53. Fasc. 4. Paris, 1981. P. 587–595. (In Russ.)

Поступила в редакцию 28.09.2018